Д.И. Портнягин

Советский фактор в формировании позиции Великобритании по проблеме европейской интеграции (1945–1951 гг.)

Soviet factor in the formation of the Great Britain's position on the issue of European integration (1945–1951)

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть влияние внешней политики СССР в первые годы после Второй мировой войны на отношение Великобритании к проблеме европейской интеграции. Автор приходит к выводу, что наряду с традиционно осторожным отношением Великобритании к союзам со странами континентальной Европы, на позицию лейбористского правительства К. Эттли оказывали большое воздействие оценки советской политики как агрессивной и экспансионистской, характерные для британских политических, дипломатических и военных кругов. В результате, первоначальные планы превращения Западной Европы в Третью силу на международной арене претерпели трансформацию в сторону углубления консолидации всего западного мира, в которой европейское объединение должно было играть подчиненную роль.

Summary: The paper attempts to examine the influence of Soviet foreign policy in the first years after the Second World War on the British attitude to the issue of European Integration. The author concludes that along with the traditionally cautious attitude of the Great Britain to alliances with the countries of continental Europe on the position of C. Attlee's Labour government had a great impact the estimation of Soviet policy as aggressive and expansionist characteristic for British political, diplomatic and military circles. As a result, the original plans of conversion of Western Europe in the Third force in the international arena undergone a transformation in the direction of deepening the consolidation of the entire Western world in which European unification was to play a subordinate role.

Ключевые слова: Советский фактор; европейская интеграция; внешняя политика СССР; Вторая мировая война; позиция Великобритании; консолидация западного мира.

Keywords: Soviet factor; European integration; Soviet foreign policy; The Second World War; Great Britain's position; Western world's consolidation.

Портнягин Дмитрий Игоревич
Санкт-Петербург,
Российская Федерация,
доцент кафедры
европейских исследований
Санкт-Петербургского
государственного университета,
кандидат исторических наук
dipn.spb@mail.ru

Portnyagin Dmitriy Irogevich
St. Petersburg,
the Russian Federation
Associate Professor of European
Studies
of Department of European studies
of the St. Petersburg State University
Cand. of Hist. Sc.
dipn.spb@mail.ru

С окончанием Второй мировой войны Великобритания стремительно утрачивает статус мировой державы и превращается, по выражению самих британцев, в «мировую державу второго ранга». Однако в полной мере осознание кардинально изменившейся роли страны на мировой арене пришло далеко не сразу. Победившие на парламентских выборах 1945 г. лейбористы, сформировали первое в своей истории правительство большинства во главе с Клементом Эттли и были намерены, опираясь на «особые» отношения с США, оставаться пусть

и младшим, но партнером по «Большой тройке» времен Второй мировой войны. Подобный подход предопределил стремление Великобритании играть активную роль в процессе послевоенного мирного урегулирования, а также ее специфическое отношение к начавшемуся процессу европейской интеграции. С самого начала движения к объединению Западной Европы Великобритания оказалась «сложным» партнером. Учитывая эти обстоятельства, представляет интерес рассмотрение вопроса о том, какой виделась внешняя политика СССР, ее цели и задачи, британским кругам, определявшим внешнеполитическую стратегию страны и каким образом эти воззрения влияли на отношение Великобритании к проблеме единства западного мира.

Большое значение для формирования взглядов лейбористского руководства по вопросам внешней политики имел опыт работы в коалиционном правительстве У. Черчилля. К.Эттли и Эрнст Бевин, будущий министр иностранных дел, участвовали в дискуссиях коалиционного кабинета по широкому кругу проблем послевоенного урегулирования. Начиная с 1943 г. К.Эттли был председателем всех подкомитетов кабинета, занимавшихся вопросами будущего Германии и мирного урегулирования. В ходе дискуссий К. Эттли выступал как сторонник более тесных отношений с США, доказывая, что Великобритания не сможет выполнить все свои имперские и европейские обязательства без американской поддержки, особенно в контексте все более экспансионистской политики СССР. К.Эттли полагал, что советское наследие преимущественно азиатское, а амбиции СССР в Европе империалистические по идеологическим или территориальным соображениям. [1, P,193] Характерно высказывание Э. Бевина, которое он сделал, будучи уже министром иностранных дел о том, что ни разу министры-лейбористы не разошлись во взглядах с министрами-консерваторами по важнейшим проблемам внешней политики. [2, Col. 120].

После победы на парламентских выборах 5 июля 1945 г., негативное отношение лидеров партии к политике СССР стало очевидным. К.Эттли и Э.Бевин полагали, что в Европе в 1945 г. сложилась неблагоприятная для Великобритании ситуация, поскольку в центральной и восточной части континента присутствуют крупные группировки советских войск. С их точки зрения, подобное положение вещей ставит под угрозу безопасность Великобритании, поскольку СССР агрессивная и опасная держава в силу господствовавшего в ней коммунистического режима. Намерение партийного руководства лейбористов проводить жесткую линию в отношении СССР ярко проявилось уже в ходе Потсдамской конференции. Как вспоминал государственный секретарь США Дж. Бирнс о первой встрече с К.Эттли и Э.Бевином, позиция последнего в отношении советских претензий на Восточную Пруссию «была столь агрессивна, что президент и я стали опасаться удастся ли нам поладить с новым министром иностранных дел». [3, P.79].

На протяжении 1945–1946 гг. наиболее желательной формой международного порядка для Э. Бевина был концерт Большой тройки периода антигитлеровской коалиции. Во многом эти планы строились на стремлении сыграть роль посредника в грядущих американо-советских противоречиях. При этом, хотя Э.Бевин был весьма критичен относительно политики США в первые послевоенные годы, без сомнения главную угрозу британским интересам он с самого начала видел в политике СССР. Его беспокоило расширение сферы советского влияния в Восточной Европе, причем озабоченность вызывал не столько сам факт ее существования, сколько методы, которыми действовал Советский Союз. Опасался Э.Бевин устремлений СССР в Средиземноморье. В частных беседах он высказывал точку зрения, что действительной целью русских является проникновение в Африку и возможность получить уран Бельгийского Конго. [4, P.50]

Поворотным моментом в британо-российских отношениях стали 1947–1948 гг. Политика СССР в восточной Европе, ситуация

в Германии и Австрии, проблемы в деятельности ООН, начало реализации плана Маршалла свидетельствовали о полномасштабном начале холодной войны, что сделало окончательно невозможным достижение приемлемого для Э. Бевина британо-советского урегулирования. В этой ситуации министр иностранных дел Великобритании выступил с идеей создания некоего западноевропейского союза, который при поддержке США и стран Содружества должен был стать силой, призванной защитить западную цивилизацию от угрозы с Востока. При этом британцы, а не американцы должны были взять лидерство в пропагандистской войне с коммунизмом. За разговорами о «духовном союзе Запада» скрывался истинный мотив политики Э. Бевина, который очевиден из его высказывания на заседании кабинета министров в январе 1948 г.: «Если мы сможем организовать западноевропейскую систему, поддерживаемую силой и ресурсами Содружества и американцев, станет возможным развить нашу собственную силу и влияние до уровня равного США и СССР». [5, P.350] Таким образом, идея Западного союза сводилась к тому, чтобы сдержать распространение влияния СССР и, тем самым, дать необходимое для экономического восстановления Великобритании и ее империи время, что позволит стране вновь занять место великой державы наравне с СССР и США.

Э. Бевин в своем меморандуме от 18 октября 1949 г. отмечал, что процесс консолидации некоммунистического мира начался в июне 1947 г. с объявления плана Маршалла и тогда ему представлялось, что этот процесс должен пройти три фазы. Первой было подписание Брюссельского договора 17 марта 1948 г., что стало основой европейской системы безопасности. На втором этапе формирующуюся механизм был усилен за счет США через подписание Вашингтонского договора 4 апреля 1949 г. и образования НАТО. Третьей фазой должно было стать расширение европейской системы сотрудничества, свидетельством чего стало подписание 5 мая 1949 г. Устава Совета Европы. [6, P.1]. Однако дальнейшее развитие процесса объединения Западной Европы теперь Э. Бевину виделось по-другому. Он отказывается от идеи Третьей силы и выступает за более тесную ассоциацию с США, а также Содружеством наций. Главной причиной такого изменения по словам самого министра иностранных дел Великобритании явилась политика СССР, «основывающаяся на марксистско-ленинской философии, которая рассматривает все некоммунистические правительства как врагов». [6, P.5]. Естественным ответом на действия СССР по мнению Э. Бевина должна стать консолидация Запада, которая не может быть исключительно делом взаимодействия между правительствами, а предполагает внутреннее сплочение народов западных стран против коммунистического влияния. Более того, Э. Бевин полагал, что пассивной консолидации Запада недостаточно и единственной надеждой на «окончательное урегулирование в мире будет распространение на восток идей, которые она представляет и системы, которая ею формируется». Выводы, к которым в итоге пришел Э. Бевин, сводились к следующему: слабая и нейтральная Западная Европа нежелательна, а сильная независимая Западная Европа непрактична в условиях обострения отношений с СССР. Наилучшим вариантом для западноевропейцев будет сплочение всего западного мира в направлениях, обозначенных Атлантическим пактом. При этом Великобритания по-прежнему будет играть ведущую роль в объединении Запада, сохраняя особые отношения с США. [6, P.7].

Остановимся теперь на оценках советской внешней политики кадровыми британскими дипломатами, тех, кто отвечал за подготовку аналитических материалов для политического руководства и осуществлял на практике выработанный внешнеполитический курс. В британском министерстве иностранных дел разработкой политической линии в отношении СССР занимались целый ряд структурных подразделений. Это Северный департамент министерства, Департамент по информационным исследованиям, который был специально

создан для ведения пропаганды и контрпропаганды против СССР, Русский комитет, состоявший из работников различных ведомств министерства, рассматривавший все аспекты советской политики и формировавший консолидированное мнение Форин Офис, а также Комитет постоянного заместителя министра иностранных дел, который отвечал за стратегические вопросы внешней политики, в том числе и в отношении СССР [7].

Один из наиболее обстоятельных документов, характеризующих доминировавшие в Форин Офис взгляды на СССР, был подготовлен Комитетом постоянного заместителя министра иностранных дел и назывался «Британская политика в отношении Советского коммунизма», окончательный вариант которого был подготовлен к концу июля 1949 г. Первая часть доклада была посвящена «русскому империализму» в прошлом и настоящем, вторая анализировала коммунистическую доктрину и ее влияние на советскую имперскую внешнюю политику. Основные выводы по первой части сводятся к следующему. 1) Стремление к экспансии является постоянной чертой русской политики как в прошлом, так и в настоящем. «Россия не единственная экспансионистская держава в истории, но ее экспансионизм особенно упорный и его никогда нельзя игнорировать, даже если он на какое-то время ослабевает. … русский шовинизм и советский военный престиж были значительно усилены Второй мировой войной» [8, p.4]. 2) Эта экспансионистская тенденция неизбежно конфликтует с британскими и западными интересами в целом, поскольку ведет не только к доминированию России в Европе, но и угрожает стратегическим и экономическим позициям Великобритании на Среднем и Дальнем Востоке. 3) Какой бы идеологией не вдохновлялся русский экспансионизм, он распространяет на новые территории автократичную систему управления, что опять же противоречит как британским, так и западным интересам в целом [8, p.4].

Рассматривая во второй части советский вариант коммунистической идеологии как инструмент внешней политики СССР, авторы приходят к следующим выводам. 1) Под влиянием коммунизма экспансионистская политика СССР стала непримиримо и активно враждебна всему некоммунистическому миру, что было не характерно для прежнего русского империализма. 2) Коммунистическая идеология оказалась эффективным инструментом консолидации народов, подчиненных русскому доминированию. 3) Советский Союз, руководствуясь коммунистической доктриной, стремиться подорвать некоммунистический мир изнутри. [8, p.7].

Дополнительное представление о взглядах британских дипломатов на политику СССР дает меморандум «Мирное наступление: тактическое отклонение или изменение долгосрочной политики?», подготовленный Русским комитетом в мае 1949 г. Давая определение советской внешней политике, авторы документа выделяют в ней стратегическую и тактическую составляющие, и, если вторая может измениться «дюжину раз», то первая остается всегда неизменной. «Основополагающая стратегия – это прогрессирующее распространение коммунистического контроля над остальным миром … и конечная организация во всем мире плановой экономики и политической системы, направляемой из Москвы средствами диктатуры пролетариата…» [9, p.1].

Еще один любопытный документ подготовил Исследовательским департаментом Форин офис в конце мая 1949 г. Он был посвящен анализу факторов, влиявших на изменения внешнеполитического курса Советского государства с момента его возникновения. Более того, авторы записки поставили перед собой задачу составить общую модель поведения и мотивации советского руководства во внешней политике [10, p.1].

Исходным посылом для анализа является тезис о том, что после смерти В.И. Ленина в 1924 г. главным архитектором советской внешней политики является И.В. Сталин, для которого характерен «оппортунистический, реалистический подход» [10, p.1]. Основной вывод из изучения особенностей поведения

СССР на международной арене сводился к тому, что все повороты и отклонения в сталинской внешней политике мотивированы одним из двух факторов, причем оба они внешнего характера и находятся вне контроля советского руководства. Первым являлось наличие внешней угрозы со стороны государства или группы государств, превосходящих СССР по силе. Сталинская реакция в этом случае была всегда неизменной – это «умиротворение в той или иной форме» [10, p.2].

Второй фактор – это слабость, неготовность или не желание стран, находящихся вне сферы советского влияния, противостоять экспансии СССР. В этом случае советская политика приобретает активный динамичный и революционный характер. Примером является попытка стран Запада после окончания Второй мировой войны установить дружественные отношения с СССР, которую последний расценил как проявление слабости и очевидный сигнал к активизации революционной деятельности в мировом масштабе [10, p.3].

Очевидный вывод, следующий из анализа приведенных документов, сводится к тому, что в различных структурах Форин офис преобладала негативная оценка не только современной внешней политики Советского Союза, но и в целом отрицательное отношение к России как государству варварскому, стремящемуся к постоянной экспансии и навязыванию авторитарных методов правления, совершенно чуждому западной цивилизации в принципе. Коммунизм, в сталинской интерпретации, лишь усилил неприятие и придал советской внешней политике крайне опасные для Запада черты. Советский Союз принимает в расчет только два обстоятельства – силу или слабость противника, поэтому, если Запад рассчитывает выжить в этой борьбе, он должен вести диалог с СССР исключительно с позиции силы. Любые уступки рассматриваются советским руководством как признак слабости и, следовательно, недопустимы.

Наконец, остановимся на аналитических материалах, подготовленных Объединенным разведывательным комитетом, структуре, созданной в 1936 г. как подкомитет Комитета обороны Империи. После реорганизации в июле 1939 г. он становиться подкомитетом Комитета начальников штабов и главной его функцией отныне являлась координация работы различных разведывательных служб. Значение ОРК существенно возросло в годы Второй мировой войны, а после ее окончания он остался не только центром аккумулирования разведывательных данных, но и важнейшим связующим звеном между военными, дипломатами и разведывательным сообществом [11, p. 16].

На протяжении 1945–1946 гг. ОРК подготовил целую серию докладов, в которых анализировались отдельные аспекты политики СССР. В начале 1947 г. было решено на их основе подготовить документ, охватывающий все стороны советской внешней политики, а также оценивающий его экономический потенциал. В результате в августе 1947 г. появился 70 страничный доклад «Советские интересы, намерения и возможности». Авторы документа поставили перед собой два главных вопроса: «Что пытается делать Россия? Насколько ее возможности позволяют добиться этого?» [12, p.1].

Глобальность обозначенных задач предопределила попытку выделить некие фундаментальные принципы советской внешней политики. Во-первых, советские руководители уверены, что их долгосрочная задача – ускорение гибели капитализма во всем мире и замена его коммунизмом советского образца. Во-вторых, капиталистически мир, осознавая успехи коммунизма, в конечном итоге вероятно прибегнет к военной силе для предотвращения собственного краха. В-третьих, исходя из конечной цели ближайшая задача сводится к обеспечению максимальной безопасности СССР [12, p.5-6].

Следует отметить, что при сохранении в целом достаточно взвешенной оценки советских интересов в различных регионах мира, в мотивации его действий авторы документа на первое место ставят идеологию. Советская политика рассматривается с точки зрения ее

стратегической цели – победы коммунизма во всем мире. Очевидная идеологизации аналитических документов, которые готовились на уровне разведывательных служб, а затем представлялись политическому руководству, в конечном итоге только способствовала обострению межгосударственных отношений.

Единственным выходом в складывающейся ситуации для британских политических, дипломатических и военных кругов представлялась дальнейшая консолидация Запада. При этом процесс европейской интеграции рассматривался как желательный, но до определенных пределов. Показательна ситуация, возникшая в связи с французским предложением, вошедшим в историю как план Шумана. После получения приглашения от правительства Франции присоединиться к обсуждению вопроса об интеграции металлургической и угольной промышленности был создан комитет должностных лиц, давший оценку французской инициативе. Мнение чиновников сводилось к тому, что меморандум Шумана составлен в терминах, позволяющих рассматривать его план как шаг к федерализации Европы, что являлось неприемлемым для Великобритании. При этом сама французская инициатива появилась «в тот момент, когда было принято решение развивать и придать приоритетное значение Атлантическому сообществу». Окончательный вывод чиновников сводился к тому, что предложение французов должно быть отвергнуто. [13, P.1-2]. Это решение поддержал кабинет министров на своем заседании 2 июня 1950 г. Не отрицая в принципе возможность обсуждения на межправительственном уровне плана Шумана члены кабинета отметили, что «наша позиция отличается от позиции других европейских стран по причине наших связей в Содружестве, и мы не должны торопиться с принятием французского предложения без консультации с другими членами Содружества, особенно если это влечет передачу части суверенитета». [14, P.60].

В итоге можно сделать вывод, что до 1949 г. позиция лейбористского правительства, прежде всего министра иностранных дел Э. Бевина, по проблеме западноевропейского единства сводилась к идее создания некой Третьей силы или Западного союза, в котором Великобритания должна была играть ведущую роль и который должен был стать главным действующим лицом на мировой арене наряду с США и СССР. По мере обострения холодной войны позиция британского правительства меняется. Для британских политических, дипломатических и разведывательных кругов было характерно конфронтационное мышление, что вело британские элиты к выводу о необходимости тесной военной, политической и экономической консолидации Запада как обязательного условия успешного противостояния СССР. В результате европейская интеграция оставалась важным, но лишь одним из элементов глобальной задачи объединения некоммунистического мира.

Использованная литература:

1. British Intelligence, Strategy and the Cold War, 1945 – 51 / ed. by Aldrich R.J. New York: Routledge, 1992.
2. Byrnes J. Speaking Frankly. L., 1947.
3. Dalton H. High Tide and After. L., 1962.
4. Hennessy P. Never Again. L., 1993.
5. House of Commons, Official report, Vol.312, August 20, 1945.
6. UK National Archives (Kew). CAB 129/37. C.P. (49) 208. 18 October 1949. European policy. Memoranda by the Secretary of State for Foreign Affairs.
7. Labour and the Wartime Coalition. From the Diaries of James Chuter Ede, 1941-45./Ed. by Jeffreys K. L., 1987.
8. UK NA. FO 800/503. P.M./49/69. Bevin to Attlee. 19 April 1949.
9. UK NA. FO 371/77622. N 11007/1051/38G. P.U.S.C. British Policy towards Soviet Communism. 28 July 1949.
10. UK NA. FO 371/77603. RC/74/49. Peace Offensive, tactical deviation, or change of Long-term Policy? 13 May 1949.
11. UK NA. FO 371/77604. N 5832/1023/38G. Memorandum on the Deviation factor in Soviet Foreign policy since 1924. 24 May 1949.
12. UK NA. CAB 158/1. Chiefs of Staff. Joint Intelligence Sub-Committee. Memoranda Jan.-Sept. 1947. J.I.C. (47) 7/1. (Final). Soviet Interests, Intentions and Capabilities. 6 August 1947.
13. UK NA. CAB 129/40. C.P. (50) 120. 2 June 1950. Integration of French and German Coal and Steel Industries. Report by committee of officials.
14. UK NA. CAB 128/17. C.M. (50). Cabinet 34 (50). Conclusions of a meeting of the Cabinet. 2 June 1950.